

Абсолютно-правовые теории права на цифровые объекты

Е. Н. Абрамова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье обобщаются выдвинутые в российской доктрине теории о правовой природе права на цифровой объект и анализе теорий, относящихся к абсолютно-правовой концепции. Используя метод «от обратного», анализируются аргументы, выдвинутые против указанной концепции, основанные на понятии абсолютного права, которое само по себе является дискуссионным. Делается вывод, что функции оператора цифровой платформы имеют инфраструктурный, технический характер, поэтому не должны препятствовать самостоятельному рассмотрению правоотношения по поводу цифрового объекта, отдельного от относительного правоотношения по поводу предоставления доступа и обеспечения инфраструктуры. В заключение делается вывод о необходимости пересмотра подходов к определению места денег и ценных бумаг в системе объектов гражданских прав, которые в совокупности с цифровыми объектами составляют самостоятельную группу благ и должны получить самостоятельный правовой режим.

Ключевые слова: абсолютное право, относительное право, вещно-правовой режим, цифровой объект, оператор информационной системы.

Для цитирования: Абрамова Е. Н. Абсолютно-правовые теории права на цифровые объекты // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2 (80). – С. 204–219. DOI: 10.35231/18136230_2025_2_204. EDN: MQLRKZ

Original article
UDC 347
EDN: MQLRKZ
DOI: 10.35231/18136230_2025_2_204

Absolute Legal Theories of the Right to Digital Objects

Elena N. Abramova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation
Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Russian scientists have put forward many theories about the legal nature of the right to a digital object. The author systematizes all available theories and analyzes them. The author proved: 1) right of the owner of a digital asset to the platform operator is not part of his right as the owner of digital property; 2) issue of the concept of absolute law is debatable and requires revision in the context of modern conditions of digitalization; 3) money, commercial papers, securities and digital objects have a common legal nature and constitute a separate independent object of civil rights; 4) modern economic turnover requires recognition of the absolute right to digital objects.

Key words: absolute law, relative law, real-legal regime, digital object, information system operator.

For citation: Abramova, E. N. (2025) Absolyutno-pravovye teorii prava na tsifrovye ob'ekty [Absolute Legal Theories of the Right to Digital Objects]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (80). Pp. 204–219. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_2_204. EDN: MQLRKZ

Введение

Актуальным вопросом современной цивилистики является выявление правовой природы права на новые объекты гражданских прав, которые не существуют в реальном мире, а возникают в цифровом пространстве. Так, В. Б. Четвергов обобщил все предлагаемые в доктрине подходы и выделил две основные концепции: абсолютно-правовую и относительно-правовую [15, с. 33–39]. Следует также выделить легальную концепцию, которая предлагает два подхода к правовой квалификации прав на цифровые объекты: права на те из них, которые предусмотрены действующим законодательством, не получили никакой квалификации, а права на те цифровые объекты, которые выходят за рамки действующего регулирования, законом не защищаются и на них распространяется правовой режим игр и пари, хотя признаков последних такие права не имеют, поскольку не основаны на риске и неопределенности. В рамках абсолютно-правовой и относительно-правовой концепций исследователями предлагаются различные теории права на цифровые объекты. Среди относительно-правовых концепций можно выделить теорию обязательственного права, модель лицензионного договора и модель договора оказания услуг.

Система абсолютно-правовых теорий права на цифровой объект

В число абсолютно-правовых концепций входят:

- вещно-правовая теория, согласно которой даже если цифровой объект не является вещью в строгом смысле слова и на него не может возникнуть право собственности в его классическом понимании, нет препятствий для применения вещно-правовых способов защиты права и правил о добросовестном приобретателе [11, с. 127–150];
- теория исключительного (чаще всего авторского) права [5, с. 34–46], согласно которой имущественное право ис-

пользования тех или иных виртуальных объектов «по своей природе больше подходит под определение исключительного права использования результата интеллектуальной деятельности, носящего абсолютный характер» [1];

■ теория нового самостоятельного права [9, с. 20–24; 10, с. 29–39], исходящая из необходимости расширения существующей системы абсолютных прав¹, которая в нынешнем виде неспособна предложить эффективное решение для надлежащей квалификации права на цифровые объекты, поскольку сегодня к абсолютным правам относятся только вещное право, если речь о вещах, т. е. материальных объектах, и интеллектуальные права, если речь о нематериальных объектах;

■ модель NFT как цифрового сертификата на любой объект, как цифровой, так и реальный, позволяющая вырвать цифровое имущество из монополистического контроля разработчика/правообладателя [15; 8, с. 26–31].

Несмотря на то что все указанные теории имеют как достоинства, так и существенные недостатки, они нашли применение в зарубежном законодательстве², что говорит о востребованности и эффективности абсолютно-правовой концепции. Так, Е. А. Суханов отмечает необходимость установления «наиболее "сильного" права, сходного с абсолютными правами на вещь»³, поскольку только абсолютное право способно предоставить обладателю возможность свободного распоряжения объектом, стабильность

¹ Рожкова М. А. Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть первая, вводная – вещные права, интеллектуальная собственность) // Закон.ру. 2018. 17 декабря. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/17/ob_imuschestvennyh_pravah_na_nematerialnye_obekty_v_sisteme_absolyutnyh_prav_chast_pervaya_vvodnaya_ (дата обращения: 20.02.2025).

² В частности, вещно-правовой подход закреплен в южнокорейском и тайваньском законодательстве, которые признают право собственности пользователей на объекты виртуальных миров и предоставляют им такую же правовую охрану, как традиционной вещи (см.: Chao John S. Recognizing Virtual Property Rights, It's About Time (2010) // Law School Student Scholarship; Fairfield Joshua A. T. Virtual Property // Boston University Law Review. 2010. Vol. 85:1047. Pp. 1048–1102).

³ Гражданское право: учеб.: в 4 т. Т. 2. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут. 2019. С. 21–22.

гражданского оборота в цифровом пространстве, максимальную защиту от злоупотреблений, а значит – привлекательность цифровых объектов и содействие развитию цифровых технологий во всех областях экономики.

Природа абсолютного права

Основным аргументом против абсолютно-правовой концепции является несовместимость цифровых объектов с главным признаком абсолютного права – возможность его реализации без необходимости обращения к третьему лицу, только за счет активных действий самого обладателя права. В научной литературе отмечается, что «права по поводу виртуальных объектов невозможно осуществить без действий лица, обладающего исключительным правом на соответствующую компьютерную программу» [1]. Обладатель цифрового объекта всегда является пользователем определенной информационной системы, функционирование которой обеспечивается ее оператором. Последний предоставляет доступ обладателю к инфраструктуре, ведет учет прав на цифровые объекты, обеспечивает их хранение, неизменность и т. п. Тем самым обладатель права на цифровой объект неспособен удовлетворить свои интересы без соответствующей деятельности оператора информационной системы, в рамках которой цифровой объект предоставляется, учитывается и защищается.

Тем не менее наиболее распространенными в доктрине теориями являются модель обязательственных прав и модель результата интеллектуальной деятельности. Последняя является абсолютно-правовой и подвергается критике, в том числе в связи с указанным аспектом: «пользователь не обладает полным господством над результатом своего творческого труда, которое предоставляет исключительное право, поскольку может использовать свое имущество только в соответ-

ствии с ограничениями, накладываемыми правообладателем виртуального мира» [14, с. 33–39].

Однако в доктрине возможность «полного господства над результатами своего труда» вызывает сомнения в отношении не только тех результатов интеллектуальной деятельности, которые существуют в цифровом пространстве, но и классических. Так, С. А. Сеницын представил критику абсолютности исключительных прав, выявив несколько препятствий для отнесения их к абсолютным¹.

Вопрос об относимости тех или иных прав к числу абсолютных сам по себе является дискуссионным в науке гражданского права безотносительно проблемы цифровизации гражданского оборота. Так, В. К. Райхер считал, что «так называемые ограниченные вещные права», несмотря на свое традиционное наименование, по сути являются относительными, поскольку невозможны без отношений обладателя с собственником². С дореволюционных времен в юридической литературе дискутируется вопрос о природе права залога и ипотеки. Таким образом, нельзя сказать, что вопрос о понятии и составе абсолютных прав является закрытым.

По мнению Г. Ф. Шершеневича, свойство абсолютности права заключается в его действии без исключения на всех лиц, противостоящих управомоченному³. С одной стороны, обладателю цифрового объекта противопоставит оператор цифровой платформы, обязанный по пользовательскому соглашению совершать ряд активных действий – обязанностей. Но также ему противопоставят и все третьи лица, которые обязаны не нарушать право управомоченного лица. Поэтому Д. И. Мейер называл право

¹ Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных правах: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2017. 604 с. EDN: VGIPTR

² Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву [Электронный ресурс]. URL: mgimo.ru/upload/2021/05/райхер.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

³ Шершеневич Г. Ф. Избранное: в 6 т. Т. 3. М.: Статут. 2017. С. 21–22.

последнего безусловным, в отличие от относительного права¹. Вопрос состоит в том, состоят ли последние в абсолютных правоотношениях с субъектом права, отличных от относительных отношений с оператором платформы.

По словам О. С. Иоффе, основные отличия абсолютного и относительного права заключаются в сущности корреспондирующей обязанности: в абсолютном правоотношении у обязанных лиц нет активных обязанностей, только пассивные. Возложение пассивной функции на всех третьих лиц в абсолютном отношении порождает прямую обязанность (обязанного перед управомоченным лицом), в то время как пассивная функция в относительном правоотношении порождает лишь косвенную обязанность всех третьих лиц не препятствовать осуществлению прав и обязанностей по обязательству, они не становятся контрагентом [4, с. 150]. Пользователь не может приобретать и пользоваться цифровыми объектами без обращения к оператору цифровой платформы, в связи с чем возникают сомнения, не является ли пассивная обязанность «всех» по отношению к правообладателю косвенной.

А. В. Власова в структуре абсолютного субъективного права выделяет два правомочия: возможность совершать определенные действия в отношении объекта права и возможность требовать от обязанных лиц воздерживаться от действий, препятствующих управомоченному в осуществлении первой возможности. В отличие от относительного права в его структуру не входит право требования к обязанным лицам [2, с. 39]. Как представляется, право обладателя требовать от оператора информационной системы поддерживать функционирование последней не входит в состав правомочий управомоченного субъекта как обладателя и возникает из отдельного юридического факта.

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут. 2000. С. 258.

Требование о поддержании инфраструктуры

Обладатель цифрового объекта может совершать определенные действия: заключать с ним не запрещенные законом сделки, накапливать их на своем счете без передачи другим лицам и т. п., т. е. в том числе может не обращаться к оператору цифровой платформы, если нет необходимости в изменении реестра. Законом не исключена возможность заключения сделок с цифровым объектом и вне информационной системы, за определенным изъятием¹. Таким образом, пользование цифровым объектом не всегда сопровождается обращением к оператору и не порождает права требования к кому бы то ни было. Наследник, получивший цифровой объект по наследству, может присоединиться к цифровой платформе, выполняя кредиторскую обязанность, без чего он не сможет реализовать свое абсолютное право на объект, но может и не присоединяться, право при этом не исчезнет. Обращение к оператору об изменении учетной записи имеет характер не столько требования выполнить обязанность, сколько уведомительный характер об изменении владельца, данных объекта или иных сведений. Его можно причислить к тем действиям, которые, по словам Д. И. Мейера, приходится совершать самому субъекту права для его осуществления².

В непосредственных отношениях с управомоченным субъектом находятся иные лица, чья пассивная обязанность может быть признана прямой. Он вправе требовать от любых иных пользователей информационной системы и иных третьих лиц вне ее не мешать обладанию и пользованию цифровыми объектами. Никаких прав требований к ним у обладателя цифровым объектом нет, но на-

¹ Например, ограничение о заключении договоров только в соответствующей информационной системе имеется в отношении цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав, но иные сделки возможны и вне таковой (например, в случае правопреемства в результате наследования или реорганизации юридического лица).

² Мейер Д. И. Указ. соч.

личие у всех лиц обязанности не мешать обладанию и пользованию по своему усмотрению свидетельствует о наличии права. Именно такие правоотношения являются абсолютными и порождающими абсолютные права.

Таким образом, отношения пользователя с оператором информационной системы основаны на выполнении последним инфраструктурной функции. Ее целью является обеспечение инфраструктуры в рамках оказания соответствующих услуг по подключению и обеспечению доступа к такой инфраструктуре, позволяющей вести учет прав на цифровой объект, подтверждать наличие прав и т. п. Эти отношения по пользовательскому соглашению не пересекаются с абсолютными отношениями с иными лицами, которые противостоят управомоченному по поводу самого факта обладания цифровым объектом. Оператор цифровой платформы обязан вносить изменения в учетные записи не только по требованию обладателя цифрового актива, но и по решению суда, на основании свидетельства о наследстве и в иных случаях, т. е. в ситуации, когда правообладатель меняется вне информационной системы¹. Поэтому функция оператора информационной системы является не столько субъективной обязанностью, сколько инфраструктурной, технической, обслуживающей интересы не только сторон пользовательского соглашения, но всего общества. Его обязанность возникает не столько из договора с обладателем, сколько из установления закона.

Известны ситуации, когда управомоченный субъект вынужден действовать в условиях функционирования определенной инфраструктуры. Например, для реализации права собственности на недвижимое имущество необходимо обратиться к органам государственной

¹ Правда, пока в отношении не любых цифровых объектов, а только в случаях, прямо установленных законом (например, в соответствии с ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты», ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием цифровых платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты»).

регистрации недвижимого имущества и сделок с ним. Без их деятельности по ведению учетных записей невозможно ни подтвердить факт наличия права, ни передать право. Однако это не влияет на квалификацию отношений собственности как абсолютных. Оператор цифровой платформы выполняет аналогичные функции, хотя к ним требуется отдельное присоединение по договору.

Еще более очевидно влияние инфраструктурного элемента в отношениях, связанных с правами на наличные деньги, которые согласно ст. 128 ГК относятся к вещам. Право на наличные деньги традиционно считается абсолютным, хотя его реализация осуществляется вовсе не только исключительно действиями самого владельца, поскольку последний ограничен установлениями закона, создающими своеобразную инфраструктуру. Как оператор цифровой платформы определяет ее правила, так и государство устанавливает правила наличного обращения. Как оператор цифровой платформы может прекратить доступ пользователя к цифровой платформе, так и государство может отменить функционирование денежной наличности в той форме, которая имеется у ее обладателя. В научной литературе отмечается, что в случае прекращения доступа к цифровой платформе доступ к объекту может быть утерян навсегда [6]. Однако то же самое уже неоднократно происходило с наличными деньгами. В результате любой денежной реформы или смены государственного режима, правителя или т. п. устаревшие, признанные недействительными купюры и монеты лишались своей экономической ценности. Их обладатели превращались в собственников бумажек и медных или иных мелких предметов, которые более не имели ни платежной силы, ни рыночной стоимости, т. е. переставали быть объектом гражданских прав. Поэтому нельзя сказать, что обладатель наличных денег только собственными активными дей-

ствиями с наличностью удовлетворяет свой интерес в ней. Для такого удовлетворения необходимы функционирование определенной, невидимой, но от этого не менее реальной, инфраструктуры, а также действия государства по ее поддержанию и признанию наличных денег средством, имеющим законную платежную силу.

Относимость денег к вещам согласно ст. 128 ГК РФ и в целом вызывает сомнения, поскольку отсутствует не только обоснованность такого подхода, но и его целесообразность, так как правовая квалификация в качестве одного из известных законодательству объектов дается, как правило, с целью правовой экономии, для распространения на новый объект правового режима уже ранее известного. Однако с наличными деньгами этого не происходит, поскольку вещно-правовые способы защиты к ним не применяются в силу прямого указания закона. Распространение на наличные деньги, обладающие законной платежной силой, иных норм о вещах, также не имеет смысла, для них разработан самостоятельный правовой режим. Поэтому не ясна цель их легальной квалификации в качестве вещей. Примечательно, что в то же время к бездокументарным ценным бумагам, признаваемым по той же ст. 128 ГК РФ не вещами, а иным имуществом, применяются вещно-правовые способы защиты (иск об истребовании такого же количества таких же ценных бумаг). Аналогичный иск рекомендуется в модельном законе «О цифровых правах»¹ для цифровых активов.

Конечно, наличные деньги, как и денежные средства, и ценные бумаги являются не вполне традиционными объектами для гражданского права, которое до сих пор ощущает сильнейшее влияние древнеримского права, в котором не было места таким конструкциям, как фиатные деньги и ценные бумаги. Однако, как представляется,

¹ Принят на МПА СНГ 23 апреля 2023 г.

именно к ним наиболее близки те новые объекты, появившиеся в связи с цифровизацией экономики, которые принято называть цифровыми. К таким объектам неприменимы традиционные приемы квалификации, они требуют поиска своего места, поскольку последнее, как представляется, не найдено до сих пор. Для всех названных объектов характерны такие общие черты, как фикционная природа, поскольку фактически они не являются объектами гражданских прав, а представляют собой способы фиксации прав и необходимость функционирования особой инфраструктуры. Последнее свойство препятствует квалификации права на такие объекты в качестве абсолютного права, однако, как представляется, не исключает таковой.

Обособленность инфраструктурного элемента от правомочий управомоченного субъекта особенно очевидна, когда речь идет об относительных правах. Так, бездокументарные ценные бумаги, признаваемые обязательственными и иными правами (ст. 142 ГК), подразумевают наличие у их обладателя права требования к их должнику. Однако нельзя сказать, что удовлетворение интереса кредитора может быть осуществлено исключительно действиями такого должника, поскольку без деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, прежде всего регистратора, ведущего учет прав на ценные бумаги, никакие права осуществлены быть не могут. Таким образом, несмотря на то что по общему правилу интерес управомоченного субъекта удовлетворяется действиями должника, в случае с бездокументарными ценными бумагами этого недостаточно, так как последние не могут существовать без определенной инфраструктуры. Поэтому фактически независимо от желания субъектов возникает отдельное правоотношение с субъектами такой инфраструктуры, не влияющее на основное правоотношение из ценной бумаги.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод об объединяющем значении инфраструктурного признака в отношении таких объектов, как деньги, ценные бумаги и цифровые объекты. Именно обозначенный признак препятствует квалификации права на указанные объекты в качестве абсолютного. В юридической литературе отмечается, что право собственности на виртуальное имущество неизбежно вырывает эти объекты из сферы господства изначального правообладателя, что может негативно сказаться на развитии самой виртуальной реальности [14]. Однако в чем состоит такое отрицательное влияние и насколько оно критично, не уточняется. При этом многочисленные злоупотребления и пренебрежения правовыми нормами обладателями программ и операторами цифровых платформ вызывают проблемы не только частного, но и публично-правового характера, а также влияют на степень доверия к цифровой среде в целом, меняют стереотипы поведения в обществе и вызывают разнообразные социальные, культурологические, психологические и иные проблемы, связанные с управлением, этикой, безопасностью, приемлемым поведением и признанием и обеспечением прав, принципиально меняя сам концепт правопорядка [3].

Гражданский оборот демонстрирует необходимость именно абсолютного права на цифровой объект, что позволит обеспечить независимость управомоченного лица от субъектов, обеспечивающих цифровую инфраструктуру. Так, сами управомоченные лица добросовестно заблуждаются относительно своих прав в цифровом пространстве, считая, что приобретают право собственности [13]. Недобросовестные владельцы и операторы цифровых платформ хорошо это понимают, обещая в рекламных и маркетинговых целях принадлежность всего контента пользователю, что приводит к большей заинтересованности [12, с. 93].

Актуальные в настоящее время проблемы определения места цифровых объектов в системе объектов гражданских прав и установления правовой природы прав на них невозможны без глубокого анализа, модернизации и, возможно, пересмотра, с учетом новейших достижений как правовой и экономической науки, так и технологий таких классических цивилистических категорий, как абсолютное право, вещное право, имущество, вещь и др. Требуется их адаптация с учетом реалий фактически сложившихся общественных отношений и потребностей современного хозяйственного оборота.

Список литературы

1. Аюшеева И. З. Гражданско-правовой режим объектов метавселенной, виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 12. – С. 48–56. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.048-056. EDN: CZLLVV
2. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права. – Ярославль, 1998. – 116 с.
3. Залоило М. В. Метаморфозы юридического языка в виртуальном пространстве // Журнал российского права. – 2024. – № 12. – С. 30–48. DOI: 10.61205/S160565900029142-0. EDN: FNOFUB
4. Иоффе О. С. Избранные труды. Т. 1. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс. – 2003. – 574 с.
5. Королева А. Г. Субъекты интеллектуальных прав в области технологий виртуальной и дополненной реальности // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 133–142. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.133-142. EDN: CGQCHL
6. Косовская И. М., Писарев В. В. Формирование рынка интеллектуальной собственности в виртуальных мирах (на примере метавселенных: анализ основных проблем // Арбитражные споры. – 2024. – № 4. EDN: WBBKYD
7. Малеина М. Н. Правовой режим зданий и сооружений, не прикрепленных к поверхности земли // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 33–42. DOI: 10.12737/jrp.2023.015. EDN: DCJQE
8. Нигматзянова Д. А. NFT как основа экономики метавселенных // Право и бизнес. – 2022. – № 4. – С. 26–31. EDN: TXKWTF
9. Рожкова М. А. О новой (третьей) группе имущественных прав, носящих абсолютный характер // Журнал суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 26. – С. 20–24. EDN: BPIPLT
10. Рожкова М. А. NFT – что это такое? // What is NFT (Non Fungible Tokens)? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 4 (38). – С. 29–39. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29
11. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. – 2014. – № 1. – С. 127–150. EDN: SMTIXJ
12. Санникова Л. В., Харитоновна Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. – М.: 4 Принт, 2020. – Т. 4. – 303 с. EDN: GHQBMS

13. Ситников М. С. К вопросу о проблеме использования лицензионного договора в рамках метавселенных // Цивилист. – 2023. – № 2. – С. 21–25. EDN: OEJBBQ

14. Четвергов Д. С. Правовой режим виртуального имущества // Право и бизнес. – 2021. – № 3. – С. 33–39. EDN: TXMQET

15. Фатхи В. И. Правовой статус виртуального игрового имущества в контексте гражданско-правового регулирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9. – № 4. – С. 113–121. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-15. EDN: OBOWNY

References

1. Aiusheeva, I. Z. (2024) *Grazhdansko-pravovoi rezhim obektov metavselennoi, virtual'noi i dopolnennoi real'nosti* [Civil law regime of metaverse, virtual and augmented reality objects]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Topical problems of Russian law*. No. 12. Pp. 48–56. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.048-056. EDN: CZLLVV

2. Vlasova, A. V. (1998) *Struktura subektivnogo grazhdanskogo prava* [The structure of subjective civil law]. I.Aroslav!. (In Russian).

3. Zaloilo, M. V. (2024) *Metamorfozy iuridicheskogo iazyka v virtual'nom prostranstve* [Metamorphoses of the legal language in the virtual space]. *ZHurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 12. Pp. 30–48. (In Russian). DOI: 10.61205/S160565900029142-0. EDN: FNOFUB

4. Ioffe, O. S. (2003) *Izbrannye trudy. Tom 1*. [Selected works. Volume 1]. St. Petersburg: IUrIdicheskii tsentr Press. (In Russian).

5. Koroleva, A. G. (2020) *Subekty intellektual'nykh prav v oblasti tekhnologii virtual'noi i dopolnennoi real'nosti* [Subjects of intellectual property rights in the field of virtual and augmented reality technologies]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Topical problems of Russian law*. No. 6. Pp. 133–142. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.133-142. EDN: CGQCHL

6. Kosovskaia, I. M., Pisarev, V. V. (2024) *Formirovanie rynka intellektual'noi sobstvennosti v virtual'nykh mirakh (na primere metavselennykh: analiz osnovnykh problem* [Formation of the intellectual property market in virtual worlds (using the example of metaverses: analysis of the main problems)]. *Arbitrazhnye spory – Arbitration disputes*. No. 4. (In Russian). EDN: WBBKYD

7. Maleina, M. N. (2023) *Pravovoi rezhim zdani i sooruzhenii, ne prikreplennykh k poverkhnosti zemli* [Legal regime of buildings and structures not attached to the earth's surface]. *ZHurnal rossiiskogo prava*. No. 2. Pp. 33–42. (In Russian). DOI: 10.12737/jrp.2023.015. EDN: DCJEQE

8. Nigmatzianova, D. A. (2022) *NFT kak osnova ekonomiki metavselennykh* [NFT as the basis of metaverse economics]. *Pravo i biznes – Law and business*. No. 4. Pp. 26–31. (In Russian). EDN: TXKWTF

9. Rozhkova, M. A. (2019) *O novoi (tret'ei) gruppe imushchestvennykh prav, nosiashchikh absolutnyi kharakter* [About the new (third) group of property rights, which have an absolute character]. *ZHurnal Suda po intellektual'nym pravam – Journal of the Court of Intellectual Property Rights*. No. 26. Pp. 20–24. (In Russian). EDN: BPIPLT

10. Rozhkova, M. A. (2022) *NFT – chto eto takoe?* [What is NFT (Non Fungible Tokens)?]. *ZHurnal Suda po intellektual'nym pravam – Journal of the Court of Intellectual Property Rights*. No. 4 (38). Pp. 29–39. (In Russian). DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29

11. Savel'ev, A. I. (2014) *Pravovaia priroda virtual'nykh obektov, priobretaemykh za real'nye den'gi v mnogopol'zovatel'skikh igrakh* [The legal nature of virtual objects

purchased for real money in multiplayer games]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Bulletin*. No. 1. Pp. 127–150. (In Russian). EDN: SMTIXJ

12. Sannikova, L. V., Kharitonova, I. U. S. (2020) *TSifrovye aktivy: pravovoi analiz* [Digital assets: legal analysis]. Monograph. Moscow: 4 Print. Vol. 4. (In Russian). EDN: GHQBMS

13. Sitnikov, M. S. (2023) K voprosu o probleme ispol'zovaniia litsenзионного договора v ramkakh metaverse [On the issue of using the license agreement in the framework of the metaverse]. *TSivilist – Civilist*. No. 2. Pp. 21–25. (In Russian). EDN: OEJBBQ

14. Chetvergov, D. S. (2021) Pravovoi rezhim virtual'nogo imushchestva [Legal regime of virtual property]. *Pravo i biznes – Law and business*. No. 3. Pp. 33–39. (In Russian). EDN: TXMQET

15. Fatkhi, V. I. (2022) Pravovoi status virtual'nogo igrovogo imushchestva v kontekste grazhdansko-pravovogo regulirovaniia [The legal status of virtual gaming property in the context of civil law regulation]. *Vestnik iuridicheskogo fakulteta Iuzhnogo federal'nogo universiteta – Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*. Vol. 9. No. 4. Pp. 113–121. (In Russian). DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-15. EDN: OBOWNY

Об авторе

Абрамова Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-0698-4166, e-mail: abramova.e@unecon.ru

About the author

Elena N. Abramova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Economics; Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0008-0698-4166; e-mail: abramova.e@unecon.ru

Поступила в редакцию: 29.03.2025
Принята к публикации: 02.04.2025
Опубликована: 30.06.2025

Received: 29 March 2025
Accepted: 02 April 2025
Published: 30 June 2025